

ВЕЛИКИЙ

Худая девчонка лет тринадцати с пронзительными серыми глазами стояла около прилавка с печеньем и шоколадом и, напевая какую-то народную песенку, вдруг тихонечко сжала в кулачок леденец и спокойно засунула его к себе в карман. Но в этот самый момент прямо около своего уха она услышала чудесный глубокий женский голос, который подстроился в терцию и стал петь вместе с ней. Серые глаза стали еще более серыми, спина напряглась. Не переставая петь, маленькая нарушительница закона стала медленно поворачиваться к источнику чудесного голоса. И вот они пели вместе, глядя друг другу в глаза: тоненькая девочка с дерзким взглядом и уже далеко не молодая, но еще красивая женщина в вязаной шаля и больших очках. Образовалась неловкая пауза, которую нарушила женщина:

— Вы позволите, я оплачу вам леденец?

— Нет, не надо. Я их не люблю, — прозвучал уверенный ответ, вместе с которым из кармана на прилавок вернулась конфета.

— Вы простите, что я незаметно подошла, но вы так прекрасно пели... и откуда вы только знаете эту песню?

— Мне ее в детстве бабушка пела. С утра привязалась, теперь хожу и пою целый день.

— Меня зовут Вера Дмитриевна. Я преподаю музыку и вокал, — вытащив из сумки блокнот и ручку, она быстрыми движениями написала адрес и протянула его девочке, — вот, возьмите. Если захотите учиться вокалу, то обязательно приходите. Приходите с родителями, у вас большие способности, но вы, наверное, это и без меня знаете.

Вера Дмитриевна улыбнулась — правда, это получилось у нее довольно грустно — и пошла к выходу. На улице ее догнал уже знакомый голос:

— А сколько стоит у вас учиться?

Вера Дмитриевна уже хотела ответить, но ее перебили подбежавшие к ее новой знакомой мальчишка и полненькая кудрявая девчушка. Они были примерно такого же возраста, и их охватывало одновременно возмущение и радость.

— Скала! Ты чего так долго!? Мы тебя уже полчаса за магазином ждем, — ребята совершенно не замечали Веру Дмитриевну, а она с нескрываемым интересом наблюдала эту встречу. На лице Скалы появилась притворная улыбка.

— Вас не учили, что в разговор вступать невежливо?

Она повернулась к Вере Дмитриевне и манерно произнесла:

— Прошу знакомиться: Екатерина Куркина и Антон Буров, мои друзья и одноклассники.

— Очень приятно, Вера Дмитриевна.

— На этом увлекательная беседа подошла к концу и все разошлись по до-

мам. Я сейчас занята, завтра в школе поговорим.

Что-что, а решать вопросы Скала умела, недаром это прозвище к ней при-

клеилось еще в третьем классе, когда она взяла на себя вину за массовый уход с физкультуры, а потом весь класс заставила отжиматься и подтягиваться на детской площадке.

Так и сейчас — она быстро спровадила своих друзей, что-то шепнув им на- последок, а затем, как ни в чем не бывало, повернулась к Вере Дмитриевне и продолжила разговор:

— Так сколько вы берете за свои уроки?

— С вас я не буду брать денег, — Вера Дмитриевна поправила очки и по- сильнее затянула свою вязаную шаль, — я совершенно уверена, что талантам нужно помогать. Так было всегда, и так должно быть сейчас. А почему Скала? Дерзкая и неприступная?

— С третьего класса Скала. Мне мое имя не нравится. Родители назвали непонятно как, а теперь живи с ним и мучайся.

— А какое у вас имя?

— Калина. Меня зовут Калина.

— Калина — редкое имя и прекрасное, с древнегреческого переводится как

Добрый победитель. Представляете, какое удивительное и правильное соче- тание слов, Доброта и Победа?

Вот так и началась эта дружба Веры Дмитриевны и Калины. Калина угово- рила маму отдать ее заниматься вокалом. Два раза в неделю они встречались на занятиях, а потом, пока занимались другие ученики, Калина садилась за школь- ные уроки. По вечерам она помогала разбирать книги и перепутанные ноты после нашествия младшей группы хора. Калина с нескрываемым восхищени- ем слушала эту интеллигентную, образованную женщину, а Вера Дмитриев- на тоже училась. Училась слышать и понимать ребенка, когда ему тринадцать. Каждый раз, когда они шли домой, Вера Дмитриевна много рассказывала о го- роде, о его величии и свободе, иногда к ним подстраивались Катя с Антоном, и тогда уже они рассказывали Вере Дмитриевне о современной музыке, филь- мах, своих проблемах и мечтаниях. Однажды они с Калиной остановились у памятника «Тысячелетие России».

— Я часто сюда прихожу, здесь легко думается. Хочешь, я покажу тебе, где здесь Александр Невский?

Найдя фигуру Александра Невского, Вера Дмитриевна в который раз по-правила очки и затянула шаль — она всегда так делала, когда хотела сказать что-то очень важное и для нее значительное.

— Мы живем в Великом городе, где правил Великий человек. Честный и справедливый.

— А как переводится Александр? Вы же все переводы имен знаете?

— Защитник людей. Он и был таким. Вот я думаю, достойны ли мы? Не обмельчали дела наши? — Вера Дмитриевна стала задумчивой, а у Калины от возмущения даже язык стал заплетаться.

— Не обмельчали?! Это вы что ли обмельчали? Я же вижу, что вам иногда есть нечего, на всем экономите, ходите в одном и том же, а сами набрали себе кучу бесплатников. Между прочим, некоторые из них не из бедных, могли бы за себя и заплатить. Вы бы и у меня деньги не взяли, хорошо мама настояла.

Вера Дмитриевна сжалась еще больше и пошла по направлению к дому. Калина никак не могла успокоиться и почти кричала вслед уходящей Вере Дмитриевне:

— А, простите, я забыла! Это же недостойно — благородному человеку думать о таких приземленных бытовых вещах, как покушать.

На следующий день Калину стала жутко мучить совесть, и она решила сразу после уроков пойти к Вере Дмитриевне и попросить прощения за свою вчерашнюю несдержанность. Она сэкономила на обеде и купила два примитивных пирожных. В руках она держала коробку из кондитерской, а ногой уже открывала дверь в кабинет, когда увидела Веру Дмитриевну, которая

смущенно давала две тысячи ухоженной блондинке. Рядом стоял Вадик из восьмого класса их школы. Как только они увидели Калину, блондинка сунула деньги в сумку и, кивнув Вадика на выход, произнесла приторно-нежным голоском:

— Вера Дмитриевна, мы, конечно, будем очень стараться не пропускать занятия, но вы же знаете мое отношение — музыкой сыт не будешь. До свидания.

Они вышли, а Вера Дмитриевна устало опустилась на стул. Калина опустилась рядом, так и держа в руке эту коробку с пирожными. Вера Дмитриевна говорила тихо и как-то виновато.

— Вадик очень талантливый. Я его готовлю на международный конкурс Рахманинова. Понимаешь, сюда, на этот конкурс, со всего мира приезжают. Нельзя, чтобы из такого города, как наш, никого не было достойного. А Вадик очень талантливый, просто его мама не считает музыку важным занятием.

— И что бы на это сказал ваш любимый Александр Невский? Где справедливость?! Вы им платите, чтобы сделать из их сына талантливого музыканта?!

— Вот, посмотри, — Вера Дмитриева показала на старинную фотографию, висевшую на стене. На ней в группе мальчишек такого же возраста, как Калина, сидел пожилой человек. — Это профессор консерватории Зверев. А это его ученики: вот Рахманинов, Скрябин. Они жили у него, он их обучал, одевал и кормил, а Сергею Рахманинову он платил стипендию из своих денег. Благодаря ему они окрепли как

музыканты, а мир в будущем получил великих композиторов. Кто знает, насколько в этом помогла стипендия... Так что это справедливо!

Они стояли у памятника «Тысячелетие России». Воинственно настроенная Калина, развернув Катю к памятнику, показывала рукой на Александра Невского:

— Вот это кто? Вон, видишь, человек прижал свой меч к груди. Кто это? Катя недоуменно смотрела на Калину и не понимала, что та от нее хочет: — Скала, ты чего?!

— «Ты чего, Скала» — это значит, что ты знаешь, кто это, или не знаешь? — Да какая разница, кто это! — Катя вырвалась из цепких рук Скалы и схва-

тилась за Антона, — пойдём отсюда, у нее с головой совсем плохо стало! - 126 -

Антон очень спокойно убрал Катину руку и повернулся к Скале:

— Рассказывай, что случилось?

— Понимаешь, нам на все «какая разница»... Дело есть только до себя.

И рассуждаем мы так узенько и меленько. Хочу мало учиться и побольше зарабатывать, побольше подписчиков, чтобы быть знаменитым и опять на этом зарабатывать, а все остальное — «какая разница». По отношению к прекрасному человеку творится несправедливость, а нам «какая разница»...

Катя смотрела на свою подружку, и было видно, что в ее маленьком сердце начинало шевелиться что-то очень большое.

— Какая несправедливость? С кем?!

— С Верой Дмитриевной. Все равно мы ничего не сможем сделать.

Антон взял девочнок под руки и очень по-мужски их повел, — все мы сможем сделать. Только надо успокоиться и все подробно рассказать.

Светлана Владимировна, классная руководительница 7 «Б» класса, где учатся наши друзья, вот уже несколько минут пыталась пробраться к двери класса, облепленной семиклассниками и восьмиклассниками.

— Что здесь происходит? Пропустите!

На двери она увидела прикрепленный скотчем тетрадный лист, на котором черным маркером было написано: «Не входить! Новгородское вече!» Светлана Владимировна открыла дверь и увидела человек десять из седьмого и восьмого классов, включая Калину, Антона и Катю. А около двери понуро стоял Вадик Рыбин, и по всему было видно, что ему требовалась срочная помощь. Светлана Владимировна, как опытный педагог, сразу приняла правила игры:

— Насколько я знаю, на Новгородское вече лица женского пола не допускались.

Калина была совершенно спокойна и уверена:

— Мы внесли изменения.

Светлана Владимировна подошла к ней и села рядом.

— Тогда мое присутствие допустимо. Посвятите меня в подробности дела. Через десять минут она уже поняла для себя всю ситуацию и обратилась к

несчастному Вадику:

— Вадим, а ты сам-то хочешь быть музыкантом? Мало быть талантливым, надо иметь большое желание, чтобы стать великим пианистом. Кто бы тут что не решал — в этом главный вопрос.

Голова Вадима еще больше поникла.

— Хочу, но мама сказала, что я буду поступать на экономический, и это не обсуждается.

Светлана Владимировна не сводила с Вадика глаз.

— А возразить своей маме ты не можешь?

— Нет, она только с виду такая деловая. У нее сердце больное, ей волноваться совсем нельзя.

— Так... хорошо, — Светлана Владимировна сделала небольшую паузу, — а

что для твоей мамы важно? Что позволит ей переменить свое мнение?

И тут Вадик впервые поднял голову, немного расслабился и начал рассказывать.

Через две недели вся школа гудела. В актовом зале проходил невероятный

концерт, приехало много гостей и журналистов. Внизу в вестибюле висела афиша, на которой Вадик сидел за роялем, а внизу красовалась подпись: «Новые имена Великого Новгорода». Вадик сидел за роялем и играл 20-й ноктюрн Шопена. Зал замер, ребята сидели, не шелохнувшись, — то ли пожимая значимость мероприятия, то ли проникнувшись ноктюрном Шопена в исполнении Вадика. Когда была сыграна последняя нота, несколько секунд стояла полная тишина, а потом раздался гром аплодисментов. На сцену вышла Светлана Владимировна и торжественно произнесла речь:

— Наша школа гордится, что у нас есть такой ученик, который будет достойно представлять Великий Новгород на Международном конкурсе имени Сергея Рахманинова. Школа хочет выразить благодарность родителям Вадима Рыбина за прекрасное воспитание сына и поддержание его таланта, — в это время появилась милая девчушка и вручила букет вытирающей слезы маме Вадика, — а также особую благодарность мы хотим выразить педагогу Вадима, Вере Дмитриевне Дороховой. Спасибо вам за ваш неоценимый труд, за тот эстетический вкус, который вы прививаете нашим детям, за те таланты, которые вы растите во славу нашего города, нашей России!

Раздался гром аплодисментов. Окончательно растроганная Вера Дмитриевна, принимая букет, все время поправляла свои большие очки. Светлана Владимировна сделала паузу и объявила:

— В заключение нашего концерта я приглашаю на сцену Калину!

Что тут началось! Все как будто разом забыли, что надо соблюдать приличия, и начали аплодировать, кричать: «Скала-а! Давай!» Кто-то даже свистнул, но Светлана Владимировна вовремя привстала, и воцарилась полная тишина. Калина вышла на середину сцены и уже хотела начать свое выступление, но остановилась и произнесла:

— Один очень хороший человек сказал мне, что мое имя переводится как «добрый победитель». И вот я решила, что я больше не Скала. Я — Калина! И хочу оправдать свое имя своими поступками и делами. А эту песню я посвящаю этому человеку, нашему другу и Учителю. Вам, Вера Дмитриевна!

Калина пела так, как умеют петь только те, у кого большое доброе сердце. Вера Дмитриевна слушала пение Калины и как будто слышала, что она хочет сказать: «Мы не обмельчаем, поверьте. Мы будем достойны своего Великого города».